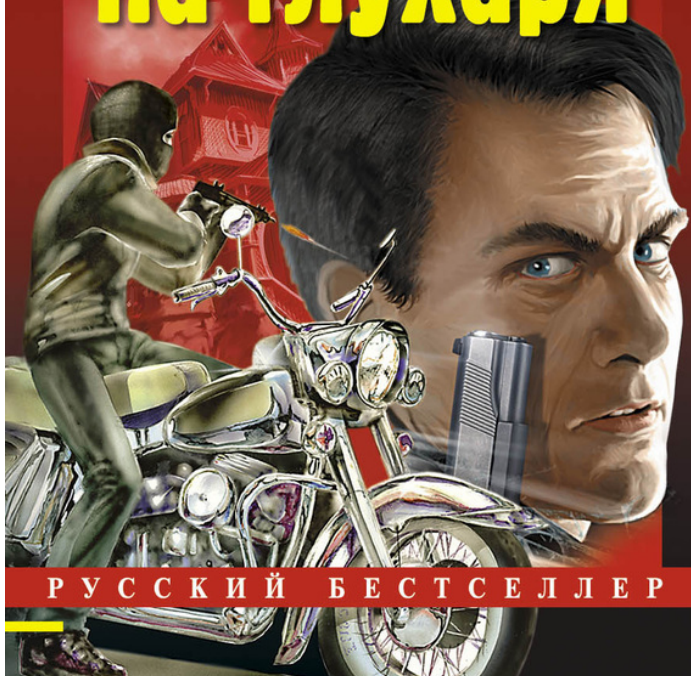

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Охота на глухаря

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Алексей Викторович Макеев
Николай Иванович Леонов
Охота на глухаря
Серия «Полковник Гуров»
Серия «Русский бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9747879

Охота на глухаря / Николай Леонов, Алексей Макеев: Эксмо; Москва;

2015

ISBN 978-5-699-80097-1

Аннотация

Полковник Гуров приезжает погостить к своему знакомому в элитный коттеджный поселок. Там он окунается в доброжелательное романтическое общество хорошо обеспеченных и образованных людей. Впрочем, идиллия продолжается недолго. Неизвестный злоумышленник совершает покушение на одного из жителей – следователя Тонких. Несчастного с тяжелым огнестрельным ранением отправляют в больницу. Под подозрение попадает сосед пострадавшего – предприниматель Петелин, который на самом деле оказывается казначеем местной банды. Однако, как выяснилось, ни Петелин, ни его банда не были причастны к покушению. Но вот когда Гуров решил проверить, на какие деньги простой следователь

Тонких построил роскошный особняк, неожиданно всплыли
весьма странные обстоятельства...

Николай Леонов, Алексей Макеев Охота на глухаря

© Леонова О. М., 2015

© Макеев А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

Машина миновала поворот, и перед Гуровым распахнулась даль до самого горизонта. Картина была замечательная. Впереди виднелась деревня, до нее оставалось чуть больше двухсот метров, а за ней и сбоку от нее простирались леса. Везде леса – и слева, и справа. Желтели березовые рощи, золотом и бронзой отливали дубовые урочища, вечной зеленью выделялись еловые и сосновые участки. А еще справа от деревни блеснула водная гладь.

– Вот они, наши Ключи! – сообщил Сыромятников и искоса взглянул на Гурова: как ему, нравится или нет? Видимо, по лицу полковника можно было заключить, что вид ему понравился, поэтому он продолжил объяснения: – Тут, стало быть, деревня. За деревней, справа, видишь воду?

– Да, я заметил, что-то блеснуло, – кивнул Гуров.

– Там пруд. Пруд холодный, родниковый, но купаться вполне можно. Хотя я не знаю, захочешь ты сейчас купаться? Это удовольствие на любителя...

– Я попробую, – пообещал Гуров. – Так нам сюда, в деревню?

– Не совсем, – уточнил Григорий Гаврилович. – Наш поселок чуть дальше, внизу. Его отсюда не видно. Вот въедем в деревню, и увидишь.

Мимо окон уже мелькали первые дома. Много было кирпичных, недавно построенных, но встречались и деревянные избы, сооруженные еще при царе Горохе.

Дорога пошла круче под откос, и теперь открылась долина, где на пригорке, вдоль узенькой ленты крошечной речушки, выстроились нарядные коттеджи.

– Вот он, наш поселок, – прокомментировал Сыромятников. – Называется он так же, как деревня. Место тихое, хотя от шоссе не так далеко. А какие охотничьи угодья!

– Да, я вижу, – согласился Гуров. – Хоть я и не охотник, но уверен, что охота тут знатная.

– Не то слово! Я тебе потом все подробно расскажу и места покажу. А пока так, первое впечатление.

Народу на улицах деревни было немного – лишь стайка ребятишек с портфелями шла от недавно приехавшего школьного автобуса да пожилая женщина загоняла гусей во двор.

– А где же все? – спросил Лев. – По домам лежат, водку

пьянствуют?

– Зачем же пьянствовать? – возразил Сыромятников. – Делом занимаются. Тут народ в основном телят выращивает, сдает на убой компании. Другие творог делают, сметану, в Белые Столбы и в Каширу возят, а некоторые и в Москву. Так что все при деле.

Деревенская улица была вся в ухабах, «Приора» Сыромятникова колыхалась на них, как на волнах. Потом дорога нырнула в низину, и Гуров подумал, что во время дождей тут, должно быть, жуткая грязь, но тут же вынырнула на плотину, они ехали мимо пруда.

– Вот он, наш водоем, – сказал Григорий Гаврилович. – Это, конечно, не Селигер, но искупаться можно.

За плотиной дорога свернула направо, пересекла небольшой мостик – и сразу изменилась. Пошел асфальт, по сторонам замелькали нарядные коттеджи.

– А это уже наш поселок. Тут все удобства, комфорт...

– Слушай, Григорий Гаврилович, а как же ты сюда попал? – полюбопытствовал Гуров. – Расскажи, если не секрет. Ведь тебе, как и мне, такие вот домишки, – указал он на трехэтажный дворец, мимо которого они проезжали, – не по средствам...

– Ясен пень, такая махина мне не по карману, – согласился Сыромятников. – Да и ни к чему, что мы вдвоем с Натальей там делать будем? И потом, такой дом содержать – это целый штат прислуги нужен. У меня домик поскромнее, сам

увидишь. Но ты прав, если по рыночным ценам покупать, я здесь и садовую сторожку не приобрел бы. Признаюсь, дом я здесь получил, можно сказать, за инициативу. Дело в том, что это я весь наш дачный поселок придумал.

– Это как же? – удивился Лев.

– А вот так. Деревеньку эту, Ключи, я давно знаю – меня сюда еще отец возил, грибы да ягоды собирать. У меня отец Гаврила Семенович, царствие ему небесное, был страстный грибник и собиратель трав. Мы приезжали и останавливались у одного здешнего мужика, Корнюхина Геннадия Борисовича. Летом чуть не все выходные здесь проводили. И потом, когда отца не стало, а я охотой увлекся, приезжал сюда и Наталью возил. Охотился, бродил по здешним местам. У меня тогда был один знакомый юрист, Кирилл Дмитриенко. Он сначала в Школе милиции преподавал, а потом, когда начались все эти передраги с переменами и зарплату платили с перебоями, ушел в юрисконсульты. А позже, добившись успеха, основал свою фирму. И вот однажды я Кирилла сюда привез, поохотиться – ну, вот как тебя сейчас. Он побродил по здешним местам, огляделся и говорит мне: «А знаешь, Григорий Гаврилович, ведь в этом месте можно замечательный коттеджный поселок построить!» Я ответил ему, что это маловероятно: дороги хорошей нет, даже с электричеством перебои бывают, но не разубедил. Нашел Дмитриенко инвесторов, достал все необходимые разрешения, и уже следующим летом появились первые коттеджи, а от трассы на Ка-

ширу потянули асфальтовую дорогу.

Вот так и возникли наши Ключи. И когда были проданы первые дома и проект стал приносить доход, Кирилл мне предложил самому здесь построиться. «Я, – говорит, – с тебя деньги за оформление и за участок не возьму. И проект дешевый подскажу. Ведь если бы не ты, я об этих местах и не узнал бы». Я посоветовался с Натальей – и согласился. Вот так мы и получили свою фазенду, ты ее скоро увидишь.

– А где сейчас этот благодетель? – спросил Гуров. – Тоже здесь живет, с тобой охотится?

– Нет, Кирилл здесь не живет, – ответил Сыромятников. – Года два только пожил. А потом разбогател еще больше, продал коттедж и купил себе виллу на Майорке, в Средиземном море. Меня туда звал, погостить. Видео прислал: кругом пальмы, цветы, море плещет... Но мне и здесь неплохо. И потом, какая там у них, на Майорке, охота? Небось все запрещено. А у нас здесь вон какая благодать... – обвел он рукой окрестности.

– Да, благодать... – согласился с приятелем Гуров. – А кто в вашей поселке живет? Небось все банкиры да нефтепромышленники?

– В основном, конечно, люди богатые, – кивнул Сыромятников. – Есть и банкиры, и промышленники, и владельцы торговых сетей. Но есть и люди из органов, вроде меня, имеются два артиста, один профессор из МГУ... Разный народ. А вот, пожалуйста, – идет один из самых колоритных обита-

телей нашего поселка. И не один, со спутниками.

Он показал на необычную группу людей, идущих навстречу им по улице. В центре шел человек среднего роста, в желтой куртке восточного покроя. Обращало на себя внимание его бледное лицо (как после тяжелой болезни, подумал Лев), а также пронзительный взгляд глубоко посаженных глаз. По сторонам от бледнолицего шли три девушки весьма привлекательной внешности: две шатенки и одна блондинка и два хмурых молодых человека. Когда машина поравнялась с ними, человек в желтой куртке пронзительно глянул на Сыромятникова и кивнул ему, Григорий Гаврилович также ответил поклоном.

– Интересная компания, – заметил Гуров, невольно обернувшись, когда их машина разминулась с гуляющими и покатила дальше. – Я вижу, ты с ними знаком?

– Да, компания интересная, – согласился Сыромятников. – Хотя не сказать, что очень приятная. Это прошли члены общины «Гора Кайлас». И с их руководителем (они его «учителем» называют) я действительно знаком.

– Какая-какая гора? – удивился Лев. – Никогда о такой не слышал!

– Не ты один такой. Гора эта, как я понимаю, находится в Гималаях, и там... Впрочем, давай я тебе позже все это расскажу. А то это разговор не на одну минуту, а мы уже приехали, выгружаться надо.

Действительно, серебристая «Приора» свернула влево,

на подъездную дорожку, и остановилась перед скромным одноэтажным домиком в три окна по фасаду.

– Вот и моя фазенда! – провозгласил Сыромятников. – Прошу любить и жаловать! А также располагаться со всеми удобствами. Сейчас ты разложишь вещи, выпьем с тобой с дороги по чашке чая, и я поведу тебя знакомиться со здешними угодьями. Пока так сходим, без ружей. А уже завтра, на заре, откроем наш охотничий сезон.

Гуров вынул из багажника сумку и вслед за Сыромятниковым вошел во двор. Тут же из-за угла дома к ним кинулся серый сеттер. Он прыгал вокруг Сыромятникова, махал хвостом и вообще выказывал огромную радость. Часть этой радости досталась и Гурову – ему сеттер облизал руку.

– Это Найда, – погладил собаку Григорий Гаврилович. – Замечательно умная собака. А теперь пошли в дом.

Он открыл дверь, и они вошли в небольшую прихожую, в которой было несколько дверей.

– Тут гостиная, мы с тобой будем здесь телевизор смотреть, – показывал Григорий Гаврилович. – Тут главное место в доме – кухня! Ну, а тут вот ванна, туалет... Там, направо, моя комната, а в комнате слева ты будешь квартировать.

– А где же Наталья Дмитриевна? – спросил Гуров. – Она, часом, не заболела?

– Нет, Наталья здорова. Она в Тулу уехала, к Вадиму. Я ведь тебе рассказывал, ты забыл? У меня два месяца назад внук родился, вот Наталья с ним и сидит, нянчит. У Вадима

жена бизнесом занимается, так она ни одного месяца не хочет с сыном сидеть, представляешь? «Давай, – говорит, – ему няню найдем». Мне как Вадька такое по телефону сказал, я сразу решил: пусть лучше Наталья едет. Месяц с ребенком посидит, а там решим, что делать.

После осмотра дома Гуров отправился в отведенную ему комнату. Обставлена она была незатейливо, но удобно: кровать, шкаф, стол с двумя стульями. На столе, в соответствии с прогрессом, стоял компьютер. Впрочем, удивляться этому не следовало: как-никак, Григорий Гаврилович Сыромятников, старый друг Гурова, был не только опытным оперативником, свыше тридцати лет проработавшим в органах, но и преподавателем Высшей школы милиции.

Лев разложил вещи, сменил туфли на кроссовки, более подходящие к лесным условиям, и вернулся в гостиную. Хозяина он там не нашел, зато из кухни донесся его голос:

– Давай сюда! Я тут нам с тобой чай накрыл.

Гуров прошел на кухню – чистенькую, всю сверкающую посудой и довольно просторную. На столе уже стояли две чашки, мед в блюдце и разнообразное угощение.

– Все мечтаю своих пчел завести, – поделился с ним Сыромятников, – да дело больно хлопотное, это меня останавливает. Если уже есть одно увлечение – охота, то вторым заниматься трудно. Ну что, давай к столу. Пирогам, по причине отсутствия жены, угостить не могу, уж не взыщи. Угощайся, чем придется.

– Ладно уж приbedняться, – усмехнулся Лев. – Думаю, у тебя всегда найдется чем угостить.

Они сели за стол, и Гуров угостился и балыком, и семгой, и тем же медом. Когда, наконец, гость и хозяин выпили уже по две чашки чая, Григорий Гаврилович решил, что этого достаточно.

– Ну, теперь обувайся – и вперед, – скомандовал он. – Буду тебе свои угоды показывать.

Они вышли из дома, Сыромятников кликнул Найду. Собака тотчас же присоединилась к ним и побежала впереди. Два старых друга, не торопясь, двинулись вниз по улице.

– Охотиться здесь можно везде, – начал Сыромятников. – Например, вон в том лесу, справа – видишь? Он называется Воронье урочище. Почему – не спрашивай, не знаю. Ворон там не больше, чем везде. Зато хватает зайцев. А в другом лесу, в том, что слева, можно поднять стаю куропаток. Но мы с тобой завтра пойдем не туда, а подальше вперед.

– А там что? – спросил Гуров.

– Там находится урочище Ключи – оно и дало название всей деревне, а также нашему поселку. Называется оно так потому, что там имеется несколько ключей, то есть родников, которые питают два небольших болота. А где есть болота, там должны водиться – кто? Ну, скажи!

– Наверное, водяные, – серьезным тоном проговорил Лев.

– Все шутишь! Это хорошо! – одобрил его Сыромятников. – Если человек до преклонных лет сохраняет способ-

ность шутить – значит, это человек сильный и способный противостоять невзгодам. Так вот, друг Лева: там, где есть болота, как правило, водятся утки. А утиная охота, чтобы ты знал, – самая замечательная! Вот спроси меня почему.

– Хорошо, спрошу: почему?

– Во-первых, потому, что утка всегда водится стаяй. Это тебе не глухарь, не вальдшнеп какой-нибудь. Уж если ты вспугнул уток – так не меньше десятка. Тут только не зевай, успевай ствол поворачивать да на спуск нажимать. Во-вторых, утка – птица серьезная, веса в ней побольше будет, чем в перепеле. Настреляешь пяток уток – и обеспечен мясом. А в-третьих, утка водится на болотах, в местах удаленных и труднодоступных. Чтобы выйти на выводок, вспугнуть, отстреляться, а потом найти добычу, надо прошагать не один километр, причем по камышам, по осоке... Это тебе не в засаде сидеть, пузо отращивать. Сейчас увидишь эти наши болотца, все заветные места покажу...

Они шли по улице, можно сказать, запруженной народом. Правда, в основном это все был народ детский. Дети постарше носились взад и вперед на велосипедах и роликовых коньках, малыши рисовали на асфальте или бегали друг за другом. За ними приглядывали взрослые.

– А что, в вашем поселке всегда таклюдно? – спросил Гуров своего спутника.

– Летом – да, – ответил Григорий Гаврилович. – Многие тут живут, а в Москву по делам только выезжают. А сейчас

лето кончилось, люди вышли на работу, детвора в школе, так что половина коттеджей по будням стоит пустая, только на выходные люди съезжаются. А поскольку сегодня как раз суббота, народ и выехал на природу. Вот завтра вечером увидишь обратную картину – начнется общий разъезд. В понедельник здесь будет тихо...

– А ты как, обычно один на охоту ходишь? – продолжал расспрашивать Гуров.

– По будням – один, а по выходным – в компании. Обычно нас собирается четверо. Кроме твоего покорного слуги, в компанию входят Иннокентий Илларионович Суржиков, Павел Петрович Петелин и уже виденный тобой Игорь Угланов. Бывает еще и Тонких Аркадий Кузьмич, но он человек занятой и выбирается на охоту редко, не каждое воскресенье.

– Погоди, это какой же Тонких? – спросил Гуров. – Что-то мне эта фамилия знакома...

– Ну да, она и должна быть тебе знакома, – кивнул Сыромятников. – Аркадий Кузьмич, можно сказать, твой коллега. Следовательно, работает в центральном аппарате СКР. Ведет особо тяжкие дела.

– Ага, вот, значит, что! – воскликнул Гуров. – Понятно... Но и фамилия Суржиков мне тоже кажется знакомой...

– А ты ее по телику мог слышать, – объяснил Григорий Гаврилович. – Иннокентий Илларионович – известный человек, владелец банка «Аркадия». Кроме того, он экономист,

знаток рынка. А главное – человек общительный, за словом в карман не лезет. Так что журналисты любят брать у него комментарии ко всяким экономическим новостям. А поскольку сейчас экономика у нас на первом месте, то Иннокентий Илларионович превращается прямо в звезду экрана. Но ты увидишь, он человек простой, свойский, с ним никаких проблем не бывает, не то что с Углановым.

– А, это тот главварь общины... – догадался Гуров. – Гималайская гора... Как он вообще в вашу компанию попал? Обычно такие люди сидят взаперти...

– Вот и я так думал, а этот, представляешь, оказался страстным охотником. Вначале один ходил, а потом мы с ним как-то разговорились, ну, я его и пригласил в нашу компанию. Правда, потом чуть не пожалел...

– А что такое?

– Да он попробовал нас всех в свою веру обратить, – объяснил Григорий Гаврилович. – Один раз такой разговор завел, второй... Тут мы с Тонких его осадили, объяснили, что у нас один храм – природа и один учитель – охотничий нюх. Ну, он и притих. Вот, смотри, вот оно, первое болото.

Они вышли на берег небольшого озерца, густо поросшего камышом, осокой, другими травами. Гладь воды казалась пустынной. Но не прошло и пяти минут, как откуда-то справа выплыл целый утиный выводок: селезень, три уточки и молодые утята.

– Видал? – приглушенным голосом, наклонившись к са-

мому уху Гурова, произнес Сыромятников. – Тут у нас настоящий охотничий рай. Завтра с утра сюда пойдем. Тут и Угланов будет, и Иннокентий. Может, и Тонких подойдет.

– А как же ружье? – спросил Гуров. – У меня нет.

– Ружье я тебе нашел. Я себе два года назад «винчестер» купил, а «тулка» осталась. Вот ее тебе и дам. Ружье хорошее, прикладистое, и бой кучный. Так что нареканий у тебя быть не должно.

– Да и не может у меня быть никаких нареканий, – ответил Гуров. – Я ведь не за добычей приехал, а просто походить, воздухом подышать. И если, как ты говоришь, при такой охоте надо много бродить, это как раз для меня.

Они двинулись назад по коридору из высокого камыша и снова оказались в лесу.

– Ну что, назад домой пойдем или еще побродим? – спросил Сыромятников.

– Давай еще погуляем, – сказал Лев. – Здесь так хорошо дышится, что я никак не надышусь вдоволь. А там дальше что – еще озера есть?

– Да, целая цепочка! – кивнул Григорий Гаврилович. – Только они поменьше, и лес вокруг гуще, а утки этого не любят. Так что мы туда редко ходим. Но поглядеть на них стоит, места красивые.

Они пошли дальше. Наезженная дорога исчезла, теперь они шли по тропе, которая то забиралась вверх, на склоны холмов, то спускалась в долину.

– Слушай, я что-то не пойму, а какой смысл в компании охотиться? – спросил Гуров. – Ведь все равно каждый со своей собакой сам по себе. Загонщиков, как в охоте на кабанов, тут нет, все на равных...

– Да, во время охоты у нас все на равных и каждый сам по себе, – согласился Сыромятников. – Но ведь хочется после охоты поговорить! Поделиться переживаниями! Вот тут без компании не обойтись. Сколько историй наслушаешься, да и сам свое расскажешь.

– И где же вы устраиваете этот «разбор полетов»?

– А вот будем возвращаться, я тебе покажу это место, – пообещал Сыромятников. – Есть одна полянка возле первого болотца. Мы там костровище оборудовали, пеньков натаскали, так что можно сидеть с удобством.

– И еще у меня вопрос, – продолжал расспрашивать Гуров. – Вот вы все вокруг одного озерца или болотца толчетесь, стреляете. А вдруг какой несчастный случай? Друг дружку застрелить не боитесь?

– Ты рассуждаешь как истинный правоохранитель, – рассмеялся Григорий Гаврилович. – Конечно, там, где есть огнестрельное оружие, всегда может случиться несчастье. Но оно ведь и с газовой плитой может случиться, и даже с обыкновенной розеткой – разве не так? Чтобы никакого несчастья не было, надо некоторые правила соблюдать. Например, не вставать друг против друга по разные стороны болота. Если все будут с одной стороны, друг в дружку не попадут.

И потом, утку бьют всегда влет, в воздухе. А охотники, знаешь, не летают.

Глава 2

Обратно они шли другой дорогой – Сыромятников заявил, что надо показать гостю все окрестности и примечательные места. Поэтому они перешли через ручей и поднялись на западный склон. Здесь почва была суше, и здесь росли дубы, а за ними пошел сосновый лес.

– На краю дубравы можно на глухаря охотиться, – показывал Сыромятников. – Только они в наших местах редкость, повыбили их сильно.

Пройдя через сосны, они снова спустились пониже, и на краю березовой рощи увидели небольшую полянку, посреди которой чернело костровище.

– Вот и место наших сборищ, – широким жестом показал Сыромятников. – Здесь ты можешь увидеть картину «Охотники на привале». Каких историй я тут слышался!

Они немного посидели на напиленных обрубках березового ствола, отдохнули и двинулись к дому. Но не успели сделать и нескольких шагов, как Гуров увидел идущего им навстречу человека. На вид незнакомцу было лет 65 или даже 70. Впрочем, если учесть, что он носил бороду, а она всегда старит, он мог быть и моложе. Да и вид у человека был какой-то нездоровый; словно он тяжело болел, а сейчас выздо-

равливает. Правда, глаза у него были вполне живые, ясные, и они внимательно оглядели Гурова и его спутника. Одет незнакомец был в поношенный пиджак, еще более ношенные штаны и стоптанные ботинки.

Он обменялся с Сыромятниковым вежливым кивком, и каждый произнес «Доброе утро», хотя не очень внятно.

Когда они отошли метров на сто, поинтересовался Гуров:
– А это кто? Тоже житель вашего поселка и участник вашей компании?

– Нет конечно! – ответил Григорий Гаврилович. – Это Алексей Степанов, или дядя Леша, как его здешние ребята зовут. Живет он и не в поселке, и не в деревне, а, можно сказать, посередине – в заброшенной сторожке. Когда-то, в незапамятные времена, здесь, говорят, был большой помещичий сад. Яблоки выращивали на продажу, вишню. И при саде сторож был, жил в сторожке. Сад давно одичал, а сторожка осталась. Запустение там, конечно, ужасное, но Алексею подходит.

– А чем он занимается?

– Ну, вообще-то он, кажется, пенсионер. Во всяком случае, ходит на почту, какие-то деньги там получает. А еще ремонтом мелким занимается. Руки у него нужным концом приставлены: и утюг может починить, и кухонный комбайн, и даже холодильник. Его то в один дом зовут, то в другой. Этим и живет.

– Так он здешний или пришлый?

– Пришлый. А откуда взялся, никто не знает. Местные говорят, он поселился здесь в прошлом году, так и живет.

– Пьет, наверное?

– Не знаю. Я, во всяком случае, его пьяным не видел. А что ты так заинтересовался?

– Да так, по привычке. Привык составлять портрет встреченного человека, определять, кто он такой.

Уже темнело, западный край неба окрасился в красный и желтый цвета. Над головой друзей пролетел выводок птиц, и Сыромятников проводил их завистливым взглядом.

– Вальдшнепы полетели... – с сожалением произнес он. – Сейчас можно бы было парочку положить...

– Ты, я вижу, готов стрелять в любое время, – заметил Лев.

– Не в любое, а только в разрешенное правилами! – ответил Григорий Гаврилович, назидательно подняв палец.

Было уже совсем темно, когда они вернулись в поселок. В окнах коттеджей уже зажглись уютные огни. Заметно похолодало.

– Пойдем, сейчас баньку истопим, – сказал Сыромятников, – попаримся всласть! Потом навернем жареной картошечки с утиным мясом, да под нашу любимую «Столичную».

– Звучит соблазнительно! – засмеялся Гуров.

– А выглядит просто замечательно! – заверил его хозяин.

Они проходили по центру поселка, когда внимание Гурова привлекли необычные звуки, доносившиеся из одно-

го из коттеджей. Это было словно приглушенное пение, которое сменялось речитативом, в затем резкими выкриками. При этом свет в окнах коттеджа мигал в такт звукам.

– Там у вас что – дискотека? – спросил он.

– Какая дискотека! – возмутился Сыромятников. – Это коттедж, где живет тот самый Угланов – ну, я тебе про него рассказывал, он руководит общиной «Гора Кайлас». К нему дважды в неделю, по средам и субботам, съезжаются члены общины и проводят собрания. Сегодня как раз суббота, вот народ и съехался. Он и меня туда зазывал, но я, как ты сам понимаешь, отказался.

– Ты мне обещал про эту самую «гору» подробнее рассказать, помнишь?

– Да, было такое дело. Стало быть, так. Эта самая община основана лет пятнадцать назад где-то в Сибири. Называется она по имени горы, расположенной в Гималаях. Вроде бы эта гора имеет связь с космосом, и кто туда заберется, получает высшее знание. Вот и Игорь Угланов заявлял, кто вступит в его общину, получит просветление и избавится от всех жизненных проблем.

– Звучит так же соблазнительно, как твой рассказ про баньку, – улыбнулся Лев.

– Видимо, не для тебя одного это звучит соблазнительно, потому что народ к Угланову пошел косяком. Одно время его община насчитывала до тысячи членов.

– А чем они, собственно, занимаются? Молятся, что ли?

– Я его тоже про это спрашивал, ну, когда он меня к себе зазывать стал. Он объяснил, что молитв у него нет, а есть психологические тренинги. И что он сам – не жрец, а учитель жизни.

– Ага, значит, проблемы у пришедших никуда не исчезают, просто они их перестают ощущать как проблемы? – догадался Гуров.

– Правильно понимаешь. Им становится все по фигу, только бы «учитель Святослав» их от себя не прогнал.

– Постой, какой еще Святослав? Он же Игорь! Или там еще другой учитель имеется?

– Нет, учитель тот же. Просто в миру он носит имя Игорь, а там, в общине, – Святослав.

– Теперь понятно. А что же он из Сибири сюда перебрался? Может, неприятности какие случились?

– Об этом я его тоже спрашивал. Он заявил, что никаких неприятностей не было, а просто он решил расширить свою деятельность на европейскую часть России. Но я на этом не успокоился, а по нашим каналам кое-что разузнал. Выяснилось, что неприятности у него действительно были, и довольно крупные. Если хочешь, расскажу.

– Ладно, о неприятностях потом. А деньги у него откуда? Такую домину отгрохать – не один миллион нужен...

– Деньги, как я понимаю, оттуда же – от учеников. Правда, узнать об этом трудно: эти самые ученики в разговоры не вступают, исключительно молчаливые ребята.

– Значит, они тут живут тремя парами?

– Ну да, постоянно живут шесть человек. А дважды в неделю, по средам и субботам, съезжаются еще человек двадцать. Сегодня как раз суббота, у них самый съезд. Видел, вся улица машинами уставлена? Часа три идет собрание с тренингом, и они уезжают. Впрочем, мы что-то слишком долго про этого Игоря говорим. Уже пришли, пора баньку топить.

Следующие часы были самыми приятными за весь день. Банька у Сыромятникова оказалась просто отличной, жареная картошка с утятинной ей не уступала. Друзья просидели почти до полуночи, вспоминая истории из прошлого, эпизоды самых интересных дел, которые им доводилось расследовать.

Глава 3

Наутро Григорий Гаврилович разбудил Гурова рано. Еще только начинало светать, в деревне перекликались петухи. Сам Сыромятников уже был полностью одет.

– Завтракать после будем, – почему-то шепотом, словно боясь кого-то разбудить, сказал он. – Давай собирайся, да пойдем, а то люди все лучшие номера займут.

– Какие но-но-мера? – позевывая спросонья, спросил Гуров.

– Места то есть. Оделся? Отлично. Вот твое ружье. –

Григорий Гаврилович протянул сыщику ружье с вытертым и немного поцарапанным прикладом.

Гуров повертел его в руках, приложился, пригляделся к прикладу, оценивая, сколько же раз с этим ружьем ходили на охоту и почему так истерся приклад.

– У меня до Найды другой сеттер был, Кавалер, – пояснил Сыромятников, проследив за взглядом друга. – Вот он как-то на меня обиделся и погрыз приклад. Но на качествах ружья это никак не отразилось, слово даю!

– Да ты не беспокойся, мне все равно, как оно выглядит, – ответил Гуров. – Да и как стреляет, тоже, если честно, все равно. Для меня важнее сам процесс, а не его результат.

Сыромятников выдал ему еще патронташ с патронами. А когда вышли на улицу, велел зарядить ружье.

– Да, тут тебя учить нечему, – констатировал он, увидев, как Гуров вогнал патроны в оба ствола и поставил их на место.

– Что ж, кто имел дело с нарезным оружием, справится и с гладкоствольным, – заключил Гуров.

Оба друга закинули ружья на плечи, Сыромятников кликнул Найду, и они зашагали вниз, в сторону озер, которые здесь почему-то предпочитали называть болотами.

– И сколько уток ты обычно приносишь с такой вот охоты? – поинтересовался Лев.

– Когда как, – ответил Сыромятников. – Если повезет, то три-четыре. Чаше одну-две, а случается, что и ни одной. Это

как стрелять будешь. И как охотничье счастье повернется.

– А кто у вас в компании самый удачливый?

Григорий Гаврилович ответил, не задумываясь:

– Удачливых у нас двое: Тонких и Петелин. Они всегда ровно идут, ноздря в ноздю. Один троих добудет – и другой троих. У одного только одна – и у другого так же. Но чтобы совсем без добычи возвратиться – такого у них не бывает.

– Ну, следовательно по профессии положено быть человеком метким, – заметил Гуров. – А этот Петелин, я забыл – он кто?

– Павел Петрович – владелец транспортной компании «Быстрая доставка», – объяснил Сыромятников. – Женат, но его жены я никогда не видел. Петелин говорит, что она природу не любит и из Москвы никуда не выезжает.

– Интересно, где этот владелец транспортной компании научился так метко стрелять...

– Ну, это не всегда связано с профессией, бывает, что у человека природный дар, рука твердая.

– Хорошо, а потом кто за ними?

– За ними я иду. У меня, понимаешь, случаются промахи и пустые дни. Суржиков тоже примерно как я стреляет. Ну, а самый неудачливый у нас – Угланов, и его это страшно злит. Он тогда на своих учеников начинает орать, зло на них срывает.

– Так что, они с ним и на охоту ходят?

– Ну да, ходят. Только по очереди: то один, то другой.

Мы никогда не знаем, кто будет. Вот и сегодня я тебе не могу сказать, кто с ним придет.

Восточный край неба горел ярким багрянцем, словно налитое яблоко. Под ногами охотников шуршали опавшие листья. Они миновали поселок, плотину и спустились в долину ручья. Показалась стена камыша, окружавшая первое болотце.

– Ну что, может, здесь остановимся? – предложил Гуров.

– С какой стати? – возразил Сыромятников. – Тут самое плохое место. И вообще, останавливаться нам пока рано. Сейчас за нас Найда будет работать. Она должна найти выводок и спугнуть его. А нам уже надо не зевать. Так что мы потихоньку двинемся вокруг озера и будем следить, где наша собака. Если кого-то встретим – значит, место здесь уже занято, надо дальше идти.

Найде не надо было давать команду: она уже всю носилась по камышам, то и дело забегая в воду. Охотники медленно двинулись вдоль кромки озера. Один раз Сыромятникову показалось, что Найда нашла выводок: собака совсем скрылась в камышах и долго не показывалась. Охотники замерли в ожидании, прислушиваясь.

– Ты курок-то взведи, – шепотом посоветовал Гурову Григорий Гаврилович. – У меня взвод автоматический, а у тебя нет.

– Ничего, успею, – заверил его Лев. – Лучше я его в нужный момент взведу, а то со взведенным курком ходить

не стоит.

Тревога оказалась ложной, собака наконец показалась из зарослей с виноватым видом и побежала дальше. Охотники вновь двинулись за ней.

Внезапно впереди, где лежало второе болото, послышался шум крыльев, и сразу за этим гроыхнули два выстрела.

– Ну вот, кто-то из наших уже открыл огонь, – констатировал Григорий Гаврилович.

Они прошли еще с полсотни метров, и тут камыши зашевелились, из них выскочила высокая собака с гладкой коричневой шерстью, держа в зубах мертвую утку. Мельком взглянув на охотников, она развернулась и побежала дальше.

– Ага, это сеттер нашего следователя! – воскликнул Сыромятников. – Значит, Аркадий Кузьмич уже приступил к делу. Что ж, не будем его тревожить. Пойдем дальше.

Он свистнул Найду, и они быстро, не останавливаясь, прошли еще метров двести. Здесь Григорий Гаврилович вновь спустил собаку с поводка, и она тут же углубилась в заросли камыша. Охотники медленно двинулись вдоль берега. Позади них раздались еще два выстрела, а затем, спустя несколько минут, снова кто-то выстрелил. Судя по звуку, стреляли от самого начала болота, откуда они недавно ушли.

– А это, кажется, Игорь Угланов к охоте приступил, – заключил Сыромятников. – Это его «беретта» так бухает.

Он хотел еще что-то сказать, но тут вдруг неподалеку захлопали крылья, и из камышей тяжело взлетели две утки.

– Давай! – крикнул Григорий Гаврилович и вскинул ружье.

Гуров не стал медлить. Одним движением он взвел курок, поднял «тулку», поймал в перекрестие прицела удаляющуюся птицу и нажал курок. Приклад толкнул его в плечо: отдача показалась ему довольно сильной – видимо, с непривычки. Рядом раздался выстрел, потом второй – это стрелял Сыромятников.

Гуров опустил ружье, размышляя, надо ли немедленно перезарядить один ствол, или можно подождать, как камыши зашуршали, там громко гавкнула Найда, и в небо взлетели еще две утки.

– Стреляй, стреляй! – азартно закричал Сыромятников, который как раз был занят перезарядкой.

Гурова не пришлось долго просить: он снова поднял «тулку» и снова выстрелил. Результата, как и в первый раз, он не увидел: птица летела довольно низко, ее отчасти заслоняли верхушки камыша. Но если в первый раз он был убежден, что попал, то теперь такой уверенности не было.

– Ну что, попал? – спросил его Григорий Гаврилович.

– Первый раз вроде попал, а сейчас не знаю, – ответил Гуров.

– А я тоже один раз точно попал! – с гордостью сообщил его друг. – Ну ничего, сейчас все узнаем: Найда всю добычу принесет. Если мы оба правы, она должна нам двух уток доставить.

– А она точно найдет в таких зарослях? – засомневался Лев.

– Обязательно! – заверил его Сыромятников. – Она свою кличку оправдывает. Еще не было случая, чтобы она мне подстреленную птицу не принесла.

Гуров тоже перезарядил свое ружье, и теперь, как и его напарник, стоял и ждал собаку.

Ждать пришлось не слишком долго. Камыши раздвинулись, и Найда выскочила из них с мертвой уткой в зубах. Она подбежала вначале к Сыромятникову, и тот уже было наклонился, чтобы забрать добычу, но собака, миновав хозяина, положила добычу у ног Гурова.

– Вот умница какая! – похвалил ее Сыромятников. – Ну, теперь давай, иди, вторую птицу ищи. Ищи, Найда!

Однако собака не спешила выполнить его приказ. Она покружилась у ног хозяина, а затем отправилась вперед, совсем в другую сторону.

– Что, не хочет снова в воду лезть? – осведомился Гуров, не разбиравшийся в тонкостях собачьего поведения.

– Да нет, не в этом дело, – ответил Григорий Гаврилович. Голос его звучал как-то кисло и выражал досаду. – Это значит, что второй птицы нет, искать ей нечего. Выходит, промазал я оба раза. Вот она и побежала дальше добычу поднимать. Я же говорю: умница!

Гуров поднял добычу. Это был крупный селезень. Слушая указания Сыромятникова, он подвесил его к поясу, чтобы

не мешал при ходьбе, и друзья двинулись дальше.

Еще два часа они бродили вдоль болота, прислушивались к собачьему лаю, внимательно вглядывались в небо, каждую минуту ожидая, что раздастся тяжелое хлопанье крыльев. За это время счастье улыбнулось им еще дважды: один раз Найда вспугнула снова двух уток, а во второй – целый выводок, шесть или семь птиц. Тут и Сыромятников наконец познал удачу: собака принесла ему одну крупную утку и одну птицу поменьше. Гуров подвесил к поясу тоже двух птиц. И все это время они слышали раздававшиеся с разных сторон звуки стрельбы. Судя по ним, охота шла вовсю.

Наконец, когда они подвесили к поясам добычу от третьей стрельбы, Сыромятников произнес:

– Ну, пожалуй, на сегодня хватит! Теперь пойдем отдыхать и впечатлениями делиться. Или ты, может, еще хочешь счастья попытать? А то тебе сегодня удача улыбается...

– Нет, мне для счастья много не надо, – философски заметил Гуров. – Так что отдохнуть я готов.

Сыромятников кликнул собаку, ласково потрепал ее по загривку. Они, как и накануне, перешагнули через ручей, взобрались на высокий берег и зашагали обратно, в сторону поселка. Когда проходили через сосновый лес, слева, со стороны болота, вдруг появилась бегущая собака – серый пойнтер в черных пятнах, похожих на яблоки.

– Ага, значит, сейчас к нам Иннокентий Илларионович присоединится! – заключил Сыромятников, замедляя шаг. –

Это его собака, Каштан его зовут. Привет, Каштан! Ну, как поохотился?

Пойнтер ничего ему не сообщил, только обежал вокруг и принялся обнюхиваться с Найдой. Тут в камышах показалась фигура грузного человека, у которого за спиной торчал ствол ружья. На нем были зеленые штаны и нарядная желтая куртка. Спустя минуту банкир Иннокентий Суржиков присоединился к двум друзьям.

Это был полный, даже толстый человек среднего роста, его большая розовая лысина блестела от пота, а карие глаза смотрели внимательно и немного насмешливо.

– Ага, вот и знаменитый сыщик Лев Гуров, как я понимаю! – воскликнул он, подходя и первым протягивая руку. – Наслышан, наслышан...

– Ну, вы человек более известный, – заметил Гуров. – Вам на внимание прессы грех жаловаться.

– Да, журналисты допекают, – пожаловался банкир. – Иногда прямо как осы на праздничный стол летят. Знаете, как бывает: сядешь чай пить или ужинать на открытой веранде, они прямо тучами слетаются. Особенно в августе. Приходится ставни закрывать или уходить в гостиную. А я люблю свежий воздух! Вот так и «акулы пера»: как только на рынке какое колебание, курс вверх или вниз пошел, так от них прямо отбоя нет.

– И вам приходится закрывать ставни? – шутливо спросил Гуров.

– И мне приходится отключать все телефоны и переходить на полуподпольный режим, – ответил Суржиков. – Иначе просто работать некогда. Но, если честно, внимание прессы я люблю, оно мне лестно. Так что посижу так, с отключенной линией, а потом опять на люди выхожу. – Вдруг он резко сменил тему разговора: – А вы, я вижу, начали сразу с успеха? Поздравляю!

– А у вас что, осечка? – участливо спросил его Сыромятников, оглядев пустой пояс банкира.

– Как видите! В божий свет как в копеечку. Ну да ладно. Зато как сегодня дышится! Какая красота кругом! А без утки я как-нибудь обойдусь. Наталья что-нибудь приготовит и без моей добычи.

– Наталья – это ваша супруга? – осведомился Гуров.

– Нет, к сожалению, – рассмеялся банкир. – Хотя это, пожалуй, был бы неплохой вариант. Нет, Наталья – моя кухарка. Я сюда, в деревню, только ее из прислуги и взял. Без водителя я как-нибудь обойдусь, а вот готовить страсть как не люблю. А жену мою звать Анастасия Юрьевна, она в Москве осталась – с горничной, водителем и няней для младшей дочери. Анастасия моя природу терпеть не может. Даже в виде коттеджа. Я про это могу пару смешных историй рассказать.

– Буду рад услышать, – сказал Лев, которому банкир нравился все больше и больше.

– А вот у костра сядем, и расскажу, – пообещал Суржиков.

Они меж тем продолжали идти по направлению к охотничьему становищу. Слева, от озера, наперерез им двигалась еще одна фигура. Это был блондин лет сорока, среднего роста, одетый в черный камуфляжный комбинезон. Вокруг него описывал круги уже знакомый Гуров сеттер.

– Ну вот и Аркадий Кузьмич Тонких к нам присоединился, – прокомментировал его появление Сыромятников. – Знакомьтесь: это, можно сказать, наш с вами коллега, полковник полиции Лев Иванович Гуров.

– Наслышан, – коротко отозвался следователь, протягивая руку.

– Теперь мы втроем, пожалуй, могли бы составить тут правозащитное отделение. И взять остальных участников нашего коллектива под охрану.

– Что до меня, то мне охраны не надо, – отмахнулся Суржиков. – Я и в Москве телохранителя никак не найму, хотя мне уже не раз предлагали.

– Вы, как всегда, удачно поохотились? – заметил Сыромятников, оглядывая пояс следователя, на котором висели три добытые утки.

– А чего теряться? – отозвался тот. – Меткость – это мое правило. Без добычи я не привык уходить, сегодня всего один выстрел пустой сделал.

– То есть из четырех выстрелов – три попадания? – уточнил Гуров.

– Ну да. Я же говорю, меткость – мое правило. Да вы тоже,

я гляжу, не зря время провели.

– Ну да, настрелял кое-что и тоже четыре выстрела сделал...

Охотники вышли из соснового леса, и до них донесся запах дыма, потом между деревьев блеснул огонь.

– Ага, выходит, кто-то из наших уже на месте, – заключил банкир. – Это хорошо! Можно сразу присесть к огоньку...

– Скорее всего, это Игорь с каким-нибудь из своих мальчиков, – предположил Сыромятников.

– Сейчас увидим, – заключил Тонких.

Глава 4

На поляне в середине костровища горел огонь, рядом высилась куча принесенных дров, и какой-то молодой человек подкладывал их в костер.

Юноша обернулся, Гурова удивило его бледное лицо, такое подходило скорее какому-нибудь фанатику компьютерных игр, прожженному геймеру, чем охотнику.

– Ну вот, молодец Никита, позаботился о стариках! – воскликнул Суржиков, подходя к костру. Он прислонил свое ружье к стволу березы рядом с простенькой «тулкой», уже стоявшей там и, как видно, принадлежавшей молодому человеку, затем уселся на чурбан и достал из одного кармана куртки фляжку, а из другого – несколько стопок.

– Ну-ка, народ, сходитесь сюда! – призвал он. – А то мне

неудобно самому и разливать, и держать.

Народ отказываться не стал, и три человека, подойдя к банкиру, разобрали стопки. Только черноволосый молодой человек продолжал возиться с костром, словно и не слышал приглашения. А Суржиков, в свою очередь, не стал его звать.

– А что, этот Никита никогда не пьет? – тихо спросил Гуров у Сыромятникова.

– Никогда, – подтвердил тот. – И никто из учеников «учителя Святослава» спиртного не употребляет, если учитель им не разрешит.

– А сам Угланов как? Тоже воздерживается?

– Еще чего! Он как раз не воздерживается. Очень даже любит опрокинуть стаканчик-другой. Такое у него своеобразное учение.

Суржиков разлил в подставленные стопки янтарного цвета жидкость. Над поляной разнесся своеобразный аромат.

– А это что? – все так же шепотом спросил Гуров у своего друга.

– Понятия не имею, – ответил тот. – Иннокентий нас каждый раз чем-нибудь новым балует. Да ты не бойся, это не какая-нибудь гадость, а обязательно что-то элитное, или, как теперь говорят, винтажное. То он «бурбон» принесет, то текилу из каких-то особых кактусов, то «Хенесси». Жаловаться не приходится.

– Ну что, друзья, давайте, как говорится, пригубим! – произнес между тем Суржиков. – За охоту вообще, за удачную

охоту в частности, а также за появление в наших рядах еще одного замечательного снайпера, Льва Ивановича! Вперед!

— Ну вот, и всегда он так спешит! — послышался незнакомый Гурову голос. — Всегда норовит в узком кругу принять!

Лев обернулся. К ним подходил тот самый человек с бледным лицом и пронзительным взглядом, которого они вчера встретили на улице поселка. Только теперь он был одет не в буддийскую кофту, а в обычную охотничью куртку. На поясе у него не висело ни одной птицы, пусто там было. Очевидно, это тот самый Игорь Угланов, про которого Гуров сегодня много расспрашивал своего друга.

— Точно подмечено! — раздался еще один голос, и вслед за «учителем Игорем» на поляну вышел маленький щуплый человек, которого издалека можно было принять за подростка. Но вблизи было видно, что это человек поживший, лет примерно пятидесяти, к тому же хотя и худой, но крепкий, жилистый. На поясе у него висели три добытые утки. С ним прибежал рыжий сеттер. Гуров догадался, что это последний член компании, Павел Петелин.

— Ну что, Аркадий Кузьмич, у тебя сколько? — первым делом спросил подошедший.

— А ты как думаешь?

Петелин бросил быстрый взгляд на пояс следователя и усмехнулся:

— Опять мы с тобой словно сговорились! Хотя я мог сегодня еще добыть... Да, мог...

– Что, ствол кривой оказался? – ехидно спросил Тонких.

– Ну да, вроде того... Я вижу, у нас новое лицо...

– Полковник полиции Лев Гуров, – представил его Сыромятников.

– А, понятно... – буркнул Павел. Никакой радости по поводу появления оперативника он не высказал, в отличие от Суржикова и Тонких. – Ну что, может, и нам с Игорем нальют? – осведомился он.

Банкир молча наполнил стопки, протянул их вновь пришедшим и провозгласил:

– Ну, будем!

Все опорожнили стопки. Гуров почувствовал, как внутрь пролилась крепкая, но удивительно приятная влага.

– Раскройте тайну, Иннокентий Илларионович, – попросил он. – Что вы такое нам разлили?

– Коньяк армянский, пятнадцать лет выдержки, – сообщил банкир. – Казалось бы, ничего особенного, а приятно.

– А вы, Лев Иванович, я вижу, тоже заядлый охотник? – спросил «учитель Святослав».

– Вовсе нет, – ответил Гуров. – Я в жизни всего два раза или три охотился. И все вот так же, по случаю. И ружья своего у меня нет – это мне Григорий Гаврилович дал напрокат.

– Тем более удивительно: с первого раза – и такой результат, – продолжал Угланов.

Манера говорить у него была совершенно иная, чем у Петелина, – внимательная, располагающая к себе. С ним бы-

ло приятно разговаривать, хотелось общаться еще. «А он и правда хороший психолог, – отметил про себя Гуров. – Неудивительно, что к нему люди льнут».

– Дело в том, что охотиться на уток или зайцев мне не доводилось, а вот стрелять приходилось много раз, – объяснил он. – К сожалению, не в птиц, а в людей. И на меткость я не жалуюсь. Из «макарова» из десяти пуль все десять в «яблочко» кладу.

– Ну, кроме меткости, в этом деле нужно иметь еще сноровку и желание бродить по болотам, – заметил Суржиков.

– Что ж, бродить по разным труднодоступным местам много привелось, – сказал Гуров. – И в ситуации разные непростые попадать – тоже.

– Ну, еще бы, с вашей-то профессией! – согласился банкир. – Я, конечно, по совсем уж труднодоступным местам не бродил, но на природе бывать приходилось. А вот моя супруга природу боится просто панически. И в связи с этим у нас происходили разные смешные истории.

– А вы расскажите какую-нибудь! – попросил Лев.

– Вот сейчас примем по второй, и расскажу, – пообещал банкир. – А то что так, на сухую, сидеть? – И разлил по стопкам еще раз.

– Погодите, погодите! – вмешался «учитель Святослав», останавливая охотников, уже готовых выпить. – Мы что же, только пить будем? Так не годится. Этак и спиться можно. А закусить?

– Да, закусить нужно, – согласился Суржиков. – Только я на этот раз как-то ничего не припас...

– Это не страшно, – успокоил его Угланов. – Вы не припасли, зато я позаботился, кое-что с собой принес... Вот Никита сейчас порежет, и будет у нас закуска.

Молчаливый молодой человек открыл рюкзак, достал из него кусок балыка, палку копченой колбасы. Затем извлек из висевших на поясе ножен длинный нож, быстро порезал закуску на ровные аккуратные кусочки и подал охотникам. Сам он при этом, как и прежде, не произнес ни слова.

– Ну вот, – удовлетворенно проговорил Угланов, когда все процедуры были закончены, – теперь и по второй можно.

– Ну что, за точный прицел? – предложил Суржиков.

– И за верный глаз! – добавил Сыромятников.

Охотники выпили, потянулись за закуской. Гуров подумал, что выпивка и закуска здесь соответствуют друг другу – все просто отличное. Было приятно сидеть, прислонившись к теплomu стволу дерева, вдыхать чистый лесной воздух и чувствовать приятную усталость. «Сейчас самое время послушать какую-нибудь историю», – подумал он.

Видимо, не у него одного мысли шли тем же путем.

– Ну что, Иннокентий Илларионыч, давай, рассказывай свою историю, – произнес следователь Тонких. – Сейчас самое время расслабиться, байки охотничьи послушать.

– Что ж, можно и рассказать, – согласился Суржиков. – Было это лет пять назад. В то время я еще имел некото-

рую надежду приобщить свою супругу к жизни на природе. У нас была своя компания, вроде вот нашей, только поменьше. В нее входили два моих приятеля, одного звали Сергей, а другого Владимир. Сергей, как и я, увлекался охотой, а Владимир любил с удочкой посидеть. И вот пристрастились мы ездить в Пензенскую область, на реку Суру. Места там достаточно глухие, нет опасности, что соседи понаедут, музыку какую включат. А если лесники или егеря пожалуют, у нас документы в порядке, да и так договориться можно. Выбрали мы удобное местечко на реке и стали туда на машинах ездить.

– И сколько ехать приходилось? – поинтересовался следователь.

– Часов за шесть добирались. С утра выедем, а после обеда уже на месте. Мои друзья ездили с женами, Юлей и Аллой, и только я был словно холостой. Вот они меня и шпыняли: что, мол, ты свою супругу не вытащишь на природу? Ну, и я решился: надо! Поговорил с женой, расписал ей прелести закатов на реке, купания, сосновый запах, все такое... Согласилась моя Настя. Я, естественно, принял все меры, чтобы она не испытывала никаких неудобств. До этого у меня просто была большая палатка с тентом. Теперь купил другую, надувную, с полом, с окошками. В общем, натуральный домик. Кровать раскладную в джип загрузил, стол со стульями. Одним словом, дача, а не бивак.

И вот приехали, разгрузились, обосновались. Настя огля-

делась и вроде осталась довольна. Поморщилась, правда, что ватерклозета с биде нет, приходится в кустики ходить...

– Надо было вам, Иннокентий Илларионович, туда еще биотуалет завезти, – иронически посоветовал Угланов.

– Вот только биотуалета мне и не хватало, – отозвался банкир. – А еще телевизора с 3D и супермаркета с суши-баром... Нет уж, это уже не бивак получается, а турбаза, а я до них небольшой охотник. Так вот, поморщилась моя Настасья, но вроде смирилась. В речке искупалась, по лесу побродила – все хорошо. Настал вечер. Сели мы у костра ужинать. И тут комарье налетело. Моя супруга давай возмущаться: что такое? Ужас! Жить невозможно! Ну, я распылил во круг целый баллон аэрозоля, ей лицо и руки намазал – отстали комары. Выпили по одной, сидим, как сейчас, байки травим. И вдруг – раз, пролетает мимо костра кто-то! Прямо над головами! А потом еще! Анастасия Юрьевна, натурально, в панике: что такое? Я объясняю: это летучие мыши, на комаров охотятся, хотят, чтобы тебя меньше кусали. «Нет! – кричит жена. – Не хочу мышей! Они мне в волосы вцепятся! Убери сейчас же!» Я начинаю объяснять, что убирать мышей невозможно, это все-таки не комары, но бояться их не надо, они безвредные. И тут, в разгар моих объяснений, накрывает небо огромная тень, примащивается на ближайшей сосне. И оттуда доносится такое...

Тут банкир Суржиков сложил обе ладони хитрым образом, приставил ко рту и издал пронзительный то ли крик,

то ли уханье.

– Ага, филин закричал! – первым догадался Сыромятников.

– Точно, филин! Что тут с моей супругой случилось – описать невозможно. Глаза закрыла, уши заткнула и давай кричать: «Немедленно увези меня отсюда! Тут звери! Темные силы! Они ночью накинутся! Подстерегут! Минуты здесь не останусь!» И в палатку бросилась.

Сцена, мастерски изображенная Суржиковым, вызвала дружный хохот собравшихся. Улыбнулся даже хмурый юноша Никита.

– Я опять начал ее успокаивать, – продолжил свой рассказ банкир. – И только убедил выйти из палатки, как вдруг на реке раздается плеск, и там появляется что-то темное. Впечатление такое, что из глубины рыба-кит выплывает. Правда, через секунду уже стало ясно, что это всего лишь плоскодонка: рыбаки снизу плывут на веслах. Но для моей Анастасии Юрьевны это стало последней каплей. «Комары! – кричит. – Мыши! Звери на деревьях! И еще бродяги на реке! Ночью выйдут, нас зарежут! Вези меня отсюда сию минуту!» Ничего не поделаешь, пришлось увозить. Причем вот какой примечательный факт: эта ее истерика оказалась заразной. Алла, супруга моего друга Владимира, до этого против нашего отдыха на природе не высказывалась. Восторгов особых тоже не проявляла, но не протестовала. А тут тоже заявила, что желает немедленно уехать. Так что я чуть ли

не в полночь завел машину и повез обеих женщин в Пензу. И с тех пор моя Анастасия на природу нос не показывает, и я ее туда не зову. Так и не пригодилась нам надувная палатка, пылится сейчас где-то в подсобке.

Рассказ Суржикова понравился компании, наградой рассказчику был дружный хохот. Вслед за банкиром и другие стали вспоминать смешные случаи со знакомыми, впервые попавшими на природу.

– Давайте и я вам расскажу нечто подобное, – предложил «учитель Святослав». – Рассказ, возможно, получится не такой смешной, но... В общем, сами оцените.

Гуров заметил, что как только Угланов приготовился рассказывать, его молчаливый ученик Никита подошел ближе, достал диктофон и включил его на запись. «А ведь они, наверное, всегда так делают, – подумал Лев. – Записывают каждое слово своего учителя, чтобы сохранить его для потомства».

– Дело происходило лет десять назад в Сибири, где я тогда жил, – заговорил Угланов. – Я как раз начал делиться с людьми пришедшим ко мне Знанием, люди ко мне потянулись, и вокруг образовался кружок учеников – вот как и здесь. И как-то так получилось, что многие из пришедших в кружок оказались людьми очень замкнутыми и никогда не выезжавшими на природу. А я ставил целью их разомкнуть, открыть перед ними весь мир. И задумал, помимо наших обычных тренингов, которые проходили в одном до-

ме культуры, вывезти своих учеников на природу, а именно на Ангару. Потому что оказалось, что половина группы – вы не поверите! – живя в Иркутске, совсем рядом со знаменитой рекой, никогда на ней не была, только в черте города ее и видели. Ну а следующая поездка у нас была запланирована, естественно, на Байкал.

Я объявил всем об этом, но, так как почти никто из них до этого дальше пригородного леса не бывал, что брать с собой в лес, они не знали. Набрали всякого барахла: посуду фарфоровую, стулья складные, пуховые одеяла... Уже когда садились в электричку, я начал тревожиться: как вылезать-то будем? Ведь выходить надо было на полустанке, где поезд стоит всего одну минуту. И вот Надя, моя помощница, предупредила всех, что стоянка короткая, надо быть наготове и выгружаться быстро.

Поезд ехал почему-то медленно, по времени уже пора было выходить. И вот Надя увидела за окном знакомую платформу и кричит: «Скорее выгружайтесь!» И народ начинает выгружаться: кто лезет в дверь, кто-то боится не успеть и выбрасывает свой багаж через окна... В общем, слегка похоже на пожар в сумасшедшем доме. И тут я выхожу, оглядываюсь – и обнаруживаю, что полустанок-то не тот! Похож, а не тот. Наш будет только через остановку. Я, естественно, кричу народу, что ошибка вышла и надо скорее назад. И все с такой же скоростью и в таком же порядке начинают загружаться обратно. Кто лезет в дверь, кто забрасывает дорогой

фарфор и складные стулья в окна... Хорошо, машинист наши маневры видел и лишние две минуты постоял. Зато потом, когда обратно сели, сколько веселья было! Хотя некоторым, кто посуду побил, было не до смеха...

Напрасно Угланов говорил, что его история «не такая смешная». Все хохотали чуть ли не навзрыд, даже сдержанные Петелин и Тонких рассмеялись. Последовали и другие истории. Что-то рассказал Сыромятников, что-то вспомнил Гуров. Только Павел Петелин ничего не стал рассказывать.

– А что же Павел Петрович молчит? – удивленно спросил Лев. – Мне вот Григорий Гаврилович поведал, что ваша супруга, как и жена Иннокентия Илларионовича, природу не жалует. Неужели нет ни одной смешной истории, связанной с такой нелюбовью?

Этот вопрос Петелину не понравился. Он нахмурился и ответил:

– Истории, может, и есть, но не больно смешные. Да и рассказывать я не мастер.

Следователь Тонких тоже ничего не захотел рассказывать: заявил, что историй он знает много, смешных среди них нет. Впрочем, следователь все-таки высказался, правда, он затронул другую тему, задетую Суржиковым.

– Не знаю, как филинов, а вот бродяг и правда стоит опасаться. Не такое уж это безобидное явление – бродяжничество. Недаром в свое время, еще в старой России, за бродяжничество карали. Да и потом, в тридцатые годы, с этим

строго было. Это теперь люди распустились. Сколько народу по лесам шастает! Мне иногда коллеги рассказывают, да и так, из телевизора вижу. Кого тут только нет! И любители жизни на природе, опрошенцы всякие, и сектанты, и полоумные, и пьяницы... А ведь пришлые много преступлений совершают. Тут и воровство, и грабеж, и даже убийства случаются. Так что твоя супруга, Иннокентий Илларионыч, не зря такую панику подняла.

– Все-таки самые тяжкие преступления совершают люди, живущие постоянно на одном месте, – заметил на это Гуров. – В моей практике я что-то не припомню случая, чтобы виновником какого-то убийства или дерзкого ограбления оказался бродяга.

– И тем не менее опасаться их стоит, – настаивал Тонких. – Я, например, пришлых всегда подмечаю. Вот и вчера одного заметил.

– Это не меня, случайно? – улыбнулся Гуров.

– Нет, не вас. Вас, полковник, трудно принять за бродягу. А этот именно что бродяга – оборванный, грязный... У меня прямо руки зачесались его задержать и допросить, да только дело у меня срочное было, к тому же не мое это, надо сказать, занятие.

– Ну да, это, скорее, по моей части будет, – согласился Гуров. – И где вы этого подозрительного типа встретили?

– Да недалеко отсюда, сразу за плотиной. Смотрю, идет куда-то по лесу какой-то человек, которого я здесь не видел.

– И как он выглядел?

– На вид лет тридцать пять, даже сорок, – стал описывать Тонких. – Хотя ему могло быть и меньше – он такой грязный был, изможденный, а это старит человека. Высокий, выше среднего роста. Одет в какие-то обноски. У меня сразу возникло странное чувство, что я его уже где-то видел. У меня хорошая зрительная память, я всех запоминаю. Вот и этого я словно где-то видел. Но где – не смог вспомнить. Наверное, если бы я его лучше разглядел, я бы вспомнил. Но он, как увидел меня, сразу шарахнулся в сторону и убежал. А я догонять не стал. Правда, подозрительное поведение?

– Да, довольно подозрительное, – согласился Гуров. – Хотя этот бродяга мог быть ни в чем не виноват, просто всех подряд боится. Но я, если его встречу, постараюсь расспросить, кто он такой и что здесь делает.

– Да уж, расспросите, – кивнул Тонких. – Всем нам спокойнее будет.

Глава 5

Так началась жизнь Гурова в охотничьих угодьях Григория Сыромятникова, в поселке Ключи. Утром, а иногда и вечером приятели ходили на охоту, после нее разделявали добычу, и Григорий Гаврилович готовил из нее различные блюда.

Как и обещал Сыромятников, в понедельник поселок опу-

стел, большая часть его обитателей уехала в Москву. Коттедж «учителя Святослава» стоял молчаливый и казался пустым, хотя окна по вечерам светились. Самого Угланова нигде не было видно.

Теперь приятели охотились вдвоем. Им никто не мешал, и можно было занимать любое место на озере. Гурову продолжала сопутствовать удача на охоте, он неизменно приносил добычи больше, чем его друг. В конце концов, Григорий Гаврилович был вынужден признать, что Гуров – более меткий стрелок, и тут уж ничего не попишешь. Собака Найда тоже признала приезжего как более удачливого охотника: во время охоты она теперь чаще находилась рядом с ним, чтобы поспешить принести убитую утку.

В середине дня Гуров просто гулял по лесу. Он иногда видел грибников с корзинками – жителей деревни и поселка, один раз встретил отшельника Алексея Степанова, которого они с Сыромятниковым встретили в первый день, а вот упомянутый Тонких бродяга не попался на глаза ни разу. Возможно, он и не собирался задерживаться в поселке, а просто проходил мимо него.

Кое с кем из встреченных к лесу Гуров познакомился. В частности, с профессором математики Александром Борисовичем Натанцевым. Они разговорились: вначале о грибах, об охоте, затем о поселке. Гурову так понравилось общаться с умным и наблюдательным собеседником, что он проводил его до дома и убедился, что коттедж профессора,

как и жилье Сыромятникова, тоже не относится к числу роскошных. Профессор пояснил, что попал в число жителей поселка тоже случайно: у него как раз в это время вышел учебник для вузов, он получил гонорар, и эти деньги стали первым взносом за коттедж.

Одного недоставало во время этих выходов на охоту в будние дни – общения с членами «охотничьего клуба», баек у костра, общения. Гуляя в одиночестве по лесу, Гуров думал о том, какое приятное впечатление произвел банкир Суржиков. Общительный, умный человек, настоящий душа компании! Несомненно, интересным человеком был и Игорь Угланов, глава общины «Гора Кайлас». Однако у Гурова содалось впечатление, что «учитель Святослав» всегда следит за тем, что можно сказать, а чего нельзя, и ему есть что скрывать.

Об этом как-то зашел разговор с Сыромятниковым, когда они поздним вечером, после прогулки по лесу, сидели в гостиной. По случаю прохладной погоды Григорий Гаврилович растопил камин, и теперь в нем весело потрескивали дрова. Друзья только что поужинали, и теперь сидели у камина и пили чай.

– Ну да, скрывать ему есть что, – уверенно заявил Григорий Гаврилович. – Я ведь тебе говорил, помнишь?

– Что-то смутно вспоминаю, – признался Гуров.

– Ты в самый первый день меня про этого Углanova спрашивал. И я тогда тебе сказал, что у него на родине, в Си-

бири, были крупные неприятности.

– Да, теперь вспоминаю. Ты еще обещал рассказать, что там случилось.

– Значит, община у него была основана в 1996 году, – начал Сыромятников. – Поначалу народу к нему ходило немного, но потом по городу прошел слух, что появился некий «учитель Святослав» и у него люди получают духовное облегчение, что-то новое о жизни понимают. И народ потянулся. Одно время посещение его тренингов даже вошло в моду, к нему ходило до тысячи человек. Денег он с них не требовал, но дары принимал. А кто хотел войти в число «истинно посвященных», тот должен был платить, и платить по-крупному. Вот тут у нашего друга и начались неприятности.

– Заявления на него писали? – предположил Гуров.

– Да, было несколько заявлений, в основном от родственников, что у их родных вымогают деньги. А еще два человека, посещавшие его тренинги, попали в психушку. На Углонова завели уголовное дело. Но до суда оно не дошло: заявители отказались от своих заявлений.

– Значит, он с ними договорился, – заключил Гуров.

– Возможно. Так или иначе, но «учитель Святослав» предпочел перенести свою деятельность в Москву. Здесь у него пока все тихо, тренинги и тренинги, недовольных нет.

– И я, кажется, понимаю, почему их нет, – заметил Лев. – Мне кажется, он хорошо разбирается в людях и умеет рас-

положить их к себе. Казалось бы, я такой тертый калач, и то почувствовал, как он меня вроде обволакивает и я начинаю ему симпатизировать. Что уж говорить о людях со слабой психикой! Он из таких просто веревки может вить.

– Вот он их, наверное, и вьет, – отозвался Григорий Гаврилович. – Заметил, какими глазами на него смотрел этот его Никита? В точности как моя Найда на меня! Там еще второй мальчик есть, Сергей, и он так же держится.

– Впрочем, в вашей компании не только Угланов – «человек с секретом», – сказал Гуров. – Я, например, не очень хорошо понимаю, что у вас делает Иннокентий Илларионович Суржиков. Человек он богатый, у него должен быть свой круг знакомых, таких же банкиров, известных адвокатов...

– Тут живут несколько богатых людей, – ответил на это Сыромятников. – Они все его знают, ходят к нему в гости, но охота – не их увлечение. А Иннокентий Илларионович, хотя ему удача редко сопутствует, ходить с ружьем любит. И потом, он не может обойтись без общества, без вот этих рассказов у костра. А его элитные знакомые у костра сидеть не будут и байки травить не станут. К тому же в нашей компании он находит благодарных слушателей: в первую очередь меня, а потом и Угланова, и остальных...

– Вот насчет остальных я бы поспорил, – заметил Гуров. – Я обратил внимание, что и наш коллега следователь, и этот бизнесмен Петелин слушать готовы, хотя и без особого восторга, но сами ничего не рассказывают.

– Обычно такое бывает, когда людям есть что скрывать, – сказал Сыромятников. – Ну, про Угланова мы знаем, но почему скрывают Тонких и Петелин?

– Да, это интересный вопрос, – согласился Лев. – Ты ведь знаешь, что иногда скрывают следователи.

– Да, знаю... – протянул Григорий Гаврилович. – Как правило, ничего хорошего...

– Но в таком случае остается вопрос, что скрывает Петелин.

Глава 6

В пятницу, по достигнутой заранее договоренности, охотники решили пропустить выход и остаться дома. Это время Сыромятников посвятил своему участку – убирал листья, вскапывал клумбы и грядки. Гуров помогал другу. Охотиться решили выйти вечером – как раз к этому времени в поселок вновь должны были съехаться его обитатели, и все члены «охотничьего клуба» были бы снова в сборе.

Так что к вечеру, покончив с домашними делами, друзья собрались, взяли ружья, кликнули Найду и отправились на болота.

– Интересно, кто сегодня приедет? – рассуждал по дороге Гуров. – Хорошо бы Иннокентий Илларионович. Приятно с ним беседовать...

– Что ж, такое возможно, – согласился Сыромятников. –

Иннокентий не любит в городе допоздна сидеть, часто приезжает в пятницу сразу на два дня. Так что мы вполне можем его сегодня увидеть.

Однако первым из членов «клуба», которого они встретили, оказался не Суржиков, а «учитель Святослав». Друзья миновали последний коттедж поселка – и столкнулись с Углановым и его учеником Никитой. Те шли к озерам другой дорогой и по пути о чем-то оживленно беседовали. Было такое впечатление, что Никита что-то спрашивает у своего учителя, даже требует, а тот не соглашается. Однако Гуров и Сыромятников не узнали, о чем шла беседа, – завидев их, учитель и ученик замолчали.

– Рад вас видеть, Лев Иванович! – воскликнул Угланов. В его голосе слышалась радость, даже сердечность. Скорее всего, эти чувства были напускными, и Гуров подумал, что «учитель Святослав» – хороший актер.

– Взаимно, Игорь Олегович, взаимно, – ответил он «наставнику». – Вдвоем охотиться хорошо, но компании все же не хватает. Ни Суржикова не было, ни Петелина, ни Тонких, ни вас. Ну, они-то все люди занятые, а вы что, покидаете поселок? Погода стоит прекрасная...

– Как это ни прискорбно, но у меня тоже дела, – развел руками Угланов. – Да, погода прекрасная, уезжать отсюда не хочется, но дела зовут в Москву. Ну, и как вам охотилось вдвоем? Много настреляли?

– Да, удалось сделать пару удачных выстрелов... – скром-

но проговорил Гуров.

И они пошли дальше, беседуя об охоте. Сыромятников рассказывал, кто сколько уток подстрелил, где и когда, Угланов восхищенно качал головой, а Никита шел сзади, нес ружье учителя и, как всегда, мрачно молчал.

Подошли к болотам. У Гурова уже появилось здесь свое любимое место. Оно находилось в конце первого болота. Там был твердый пяточок, который выдавался в водную гладь, окруженный камышами. Оттуда открывался хороший обзор озера, можно было увидеть плывущих уток, а затем видеть, как их вспугнет Найда. Гуров уже успел придумать этому месту название – «Орлиное гнездо».

Дойдя до «Гнезда», компания остановилась. Сыромятников поведал Угланову, что его друг Лев Иванович облюбовал это место, так что они здесь останутся. «Учитель Святослав» глубоко вздохнул – было видно, что он тоже оценил преимущества «Гнезда», – но спорить не стал и уже собрался идти дальше, когда Гуров, остановив его, предложил:

– Если хотите, оставайтесь здесь, и я себе другое место подыщу. Мне и так сопутствует удача, зачем еще и хорошее место себе забирать? К тому же я достаточно с него настрелялся в будние дни, попробуйте теперь вы.

– Большое спасибо! – воскликнул Угланов, не ожидавший такой любезности. Он даже растерялся, не зная, что сказать. – Вы... Очень вам признателен! Да, я хотел бы здесь попробовать!

– Вот и попробуйте, – кивнул Лев. – Надеюсь, что вам повезет.

И они отправились дальше.

– Чего это ты сегодня такой уступчивый да любезный? – спросил Сыромятников, искоса взглянув на друга.

– Настроение хорошее, вот и хочется, чтобы всем было хорошо, – искренне ответил Гуров. – К тому же я и правда рад, что наша компания собирается. Ты только не обижайся, Григорий Гаврилович, но я компанию люблю.

– Да я ничуть не обижаюсь, – усмехнулся Сыромятников. – И вполне твой поступок понимаю.

Больше до начала охоты они никого не встретили. Но по выстрелам, которые вскоре стали доноситься с разных концов их болота, а также с других озер, расположенных ниже по течению, можно было заключить, что и другие члены «охотничьего клуба» подтянулись и заняли свои места.

Гуров с нетерпением ждал окончания охоты, когда появится возможность пообщаться, посидеть у костра. Возможно, поэтому он в этот вечер был не так внимателен, и удача от него отвернулась. Он истратил не меньше восьми патронов, а подстрелил всего одну утку, да и ту совсем маленькую. Найда, принеся ему эту жалкую добычу, казалось, с укоризной посмотрела на него.

Зато Григорий Гаврилович был счастлив: наконец удалось опередить друга и добыть двух крупных уток. Когда охота закончилась, он прикрепил их к поясу и, гордый и доволь-

ный, первым пошел на место сбора у костра. Правда, по дороге его счастье слегка уменьшилось: они встретили предпринимателя Петелина, у которого к поясу были прикреплены три добытые утки. Но все равно Григорий Гаврилович тепло приветствовал бизнесмена.

На месте сбора они застали одного Никиту. Тот уже разжег костер, а теперь орудовал топором, обтесывая обрубок упавшей сосны.

– И чего ты хочешь из этой деревяшки сделать? – обратился к нему Сыромятников. – Нового Буратино? Или памятник охотнику?

– Нет, это я сиденье для Учителя делаю, – объяснил Никита. – Видите, сиденье выпрямляю, чтобы удобно было. Сначала для Учителя сделаю, а потом, в другие дни, и для остальных. – И снова замахал топором.

Тем временем из леса появился Иннокентий Суржиков. На поясе у него, как и у Гурова, висела одна утка.

– Лев Иванович, рад вас видеть!

– Взаимно, Иннокентий Илларионович, взаимно! – ответил сыщик. – Сегодня вы, я вижу, с добычей?

– Да, я сегодня играл на повышение, – ответил банкир, напустив на себя самый деловой вид. – Нахожусь в красной зоне. А вот вы, Лев Иванович, смотрю, решили сыграть на понижение. – Он кивнул на пояс Гурова и закончил: – И, в итоге, мы с вами уравнились.

– Я очень этим доволен, – улыбнулся Лев.

– А как ваши успехи в будние дни? – спросил Суржиков. – Много настреляли?

Гуров начал говорить, и в это время на поляну вышел следователь Тонких. Его добыча на этот раз составляла две утки, на что немедленно обратил общее внимание Петелин, – получалось, что в этот день он стал абсолютным рекордсменом. Все расселись, обмениваясь шутками и замечаниями.

– Что-то наш «учитель Святослав» запаздывает, – заметил Сыромятников.

– Наверное, столько настрелял, что унести не может, – усмехнулся Тонких.

– Нет, он утку, что достал дома из холодильника, размораживает, и перья к ней клеит, чтобы за свежую сошла, – съязвил Петелин.

– Вот вы все ехидничаете, а Никита, ученик Игоря, о своем учителе заботится, – сказал Гуров, показывая на молодого человека. Тот как раз подошел к костру и поставил на землю «кресло». Обрубок получил не только относительно ровное сиденье, но и какое-то подобие ножек, что делало его устойчивым.

– Вот кресло для Учителя Святослава, – обратился ко всем Никита. – Позже я ему еще спинку приделаю, чтобы удобней было. А будет время – и остальным такие вырублю.

Произнеся эту речь (для этого молчуна весьма длинную), он повернулся и направился в лес за дровами.

– Надо же, какая забота! – покачал головой Тонких. –

Как трогательно! Ну-ка, попробуем, правда ли, так удобно? – и пересел со своего обрубка в приготовленное «кресло». – А ничего! Прямо как у меня в кабинете.

– Ну, в кабинете вы все же на коже сидите, – усмехнулся Лев.

– Это верно, – согласился следователь. – Слушай, Лев Иванович, а что мы с тобой все на «вы» да на «вы», словно дипломаты какие? Нам, правоохранителям, делить нечего – если только места, где бандитов ловить. Давай по-простому!

– Я не возражаю, – ответил Гуров. – По-простому так по-простому.

– Кстати, насчет бандитов, – продолжал следователь. – Помнится, ты говорил, что поищешь того бродягу, которого я на прошлой неделе встретил. Ну, и как, нашел?

– Нет, ни разу не видел, хотя бродил на неделе немало, в самых разных местах, в том числе и в глухих. Так что он, наверное, тут просто проходил и ушел дальше.

– Хорошо, если бы ушел, – отозвался следователь, – а то ведь это не простой бродяга.

– Почему «не простой»?

– Потому что я его вспомнил, вот почему, – объяснил Тонких. – Шесть или семь лет назад этот человек проходил по делу о мошенничестве в особо крупном размере. Я и фамилию его вспомнил – Ионов, Василий Ионов. Он был хозяином одной фирмы, занимавшейся обслуживанием банкоматов, и хапнул у родного учреждения свыше шестидесяти

миллионов рублей. Но мы эту аферу вскрыли и отправили голубчика на трудовое перевоспитание на девять лет.

– А теперь он, стало быть, вышел по УДО... – заключил Гуров.

– Ну да, так и есть, – кивнул следователь. – Вопрос в том, зачем он сюда пожаловал? Что-то я не верю в простое совпадение. Ведь этот Ионов в зале суда кричал, что, как выйдет, обязательно со мной расправится. Что я его, дескать, оклеветал, и он ни в чем не виновен.

– Ну, обвиняемые почти всегда так говорят, – заметил банкир Суржиков. – И многие, наверное, угрожают – или следователям, или судьям...

– Да, с приговором никто почти не соглашается, – подтвердил Тонких. – Но угрожают не все. К счастью...

– Ну, так или иначе, а этот твой «сиделец» больше не встречается, – сказал Гуров, – так что, может быть, это все-таки совпадение, что он в этих краях оказался.

– Будем надеяться, – согласился Тонких.

– Ну, а раз опасность миновала, за это стоит выпить, – заявил банкир, извлекая из своего рюкзака плоскую фляжку и стопки. – «Учителя Святослава» мы что-то никак не дождемся, ну да ладно – подойдет, мы ему отдельно нальем. А пока давайте, разбирайте посуду.

Суржиков открыл фляжку и разлил ее содержимое по стопкам. Над поляной разнесся характерный горьковатый запах.

– О, какой замечательный аромат! – воскликнул Сыромятников. – Чем это таким ты нас на этот раз потчуеть, Иннокентий Илларионыч? Открой секрет!

– Да нет тут никакого секрета, – ответил Суржиков. – Джин это, очень хорошая марка. Пахнет можжевельником.

– Точно, можжевельник! – воскликнул Петелин. – Как я сразу не догадался? Я в Крыму недавно был, а там везде всякие фигурки из него продают, я одну домой привез. Вот такой же запах!

– Ну, если вопросов больше нет, давайте выпьем этот замечательный напиток, – предложил Иннокентий Илларионович. – За встречу!

– За встречу! – повторили остальные и уже поднесли стопки к губам, когда услышали знакомый голос:

– Вот всегда они так, норовят без меня выпить!

Гуров обернулся – к ним направлялся «учитель Свято-слав». И на его поясе висели сразу две утки! Пришедший взгляделся в добычу товарищей, и его лицо озарилось улыбкой: он догнал следователя, который до этого всегда шел впереди!

– Как видите, я тоже сегодня кое-что настрелял, – небрежно сказал он, примериваясь, куда сесть. Сесть, получалось, можно было только на неудобный обрубок, на котором до этого сидел Тонких. Там Угланов и пристроился. Банкир Суржиков выдал ему стопку, налил джин, повторил тост «За встречу!», и все, наконец, выпили.

– Ну, признайся, Игорь, чем на этот раз уток к камышам привязывал – проволокой или скотчем? – обратился к Угланову Петелин.

– Он их не привязывал, он их разговорами приманивал, – высказался Тонких.

– Можете шутить сколько угодно, а моя добыча при мне! – ответил Угланов.

Общий разговор продолжался в том же духе, как вдруг его прервал раздавшийся резкий возглас:

– Почему вы заняли чужое место?!

Все обернулись. Никита вернулся на поляну со здоровенной вязанкой хвороста. Но сейчас весь принесенный хворост валялся на земле, а парень стоял в двух шагах от охотников, его сердитый взгляд был устремлен на Тонких. Казалось, Никита хочет испепелить следователя взглядом.

Однако того подобное отношение ничуть не испугало.

– Это ты мне, что ли? – небрежно осведомился он.

– Вам, кому же еще! – произнес Никита, все так же гневно глядя на следователя. – Это кресло я сделал специально для Учителя! Почему вы в него уселись?!

– Захотел – и уселся, тебя не спросил, – ответил Тонких. И, отвернувшись от Никиты, словно показывая, что не обращает на него внимания, проговорил: – Ну что, давайте по второй, что ли? А то между первой и...

– Освободите место! – прерывая его, воскликнул Никита.

– Чтой-то ты, пацан, раскричался, – заметил ему на это

следователь. – Смотри, как бы потом не пришлось долго шепотом разговаривать.

– Встаньте, или я вам помогу! – потребовал Никита, подойдя вплотную к Тонких и нависнув над ним.

– О, уже и угрозы пошли! – усмехнулся свидетель. – На плохую дорожку встал, пацан! – И, повернувшись к Угланову, добавил: – Слушай, может, ты урезонишь своего дурачка, а то ведь у него реально неприятности будут!

Угланов секунду помолчал, затем негромко сказал, обращаясь к Никите:

– Оставь его.

– Но, Учитель, я специально делал это кресло для вас! – возмутился юноша.

– Я сказал, оставь его, – все тем же спокойным тоном повторил Угланов.

Еще несколько секунд Никита стоял возле так любовно сделанного кресла, затем пнул по нему со всей силы, так что Тонких свалился на землю, повернулся и ушел в лес. А свидетель снова сел в «кресло» и как ни в чем не бывало повторил свое предложение:

– Ну, что, давайте по второй?

– Спасибо, мне что-то не хочется, – поднялся Гуров. – Говорят, много пить вредно. Кстати, парень-то прав: он эту деревяшку специально для Игоря делал. Ладно, всего хорошего! – Он повернулся и направился в сторону поселка.

– Погоди, я тоже пойду, – сказал Сыромятников, присо-

единяясь к другу.

Глава 7

– Да, неприятная история случилась... – произнес Григорий Гаврилович, когда они отошли на значительное расстояние от поляны и костер скрылся из виду.

– Мне с самого начала этот наш коллега не понравился, – согласился Гуров. – Неприятный человек. Из тех, кто любит демонстрировать свою власть и унижать других. Представляю, как он ведет себя на допросах...

– Да уж, к такому в руки не захочешь попасть...

Они прошли еще немного, и Сыромятников снова заговорил:

– Боюсь я, что наша компания после сегодняшнего конфликта начнет разваливаться. Унизили Никиту, но ведь и Угланов был задет. Вряд ли он теперь захочет поддерживать с Тонких приятельские отношения.

– Да, такая опасность есть, – поддержал его Лев. – И Угланов может отпасть, да и этого «коллегу» мне больше не хочется видеть. Ну, и Иннокентий Илларионович тоже человек чуткий, ему это вряд ли понравится.

– Увидим, кто завтра на вечернюю зорьку придет и кто после охоты к костру сядет. Может, все и обойдется.

Весь следующий день, как и предшествующие, Гуров бродил по лесу. Когда он проходил по поселку, то заметил, что

возле коттеджа Угланова выстроилась целая вереница машин. Можно было сделать вывод, что участники очередного тренинга, или занятия, уже собрались.

Вечером, когда еще только начало смеркаться, Лев и Григорий Гаврилович, как обычно, взяли ружья, кликнули Найдю и отправились на болота. Когда они уже поднялись на плотину, за которой начинался ручей, Гуров услышал позади быстрые шаги и обернулся. Сзади энергичной спортивной походкой шел Никита. На плече он нес ружье, а вокруг носилась собака черной масти – дратхаар Рекс, с которым всегда ходил на охоту Угланов. Но самого «учителя Святослава» нигде не было видно.

– Добрый вечер! – приветствовал Лев юношу, когда тот поравнялся с ними. – А что, Игорь Олегович позже подойдет?

– Нет, Учитель сегодня не будет охотиться, – покачал головой Никита. – Он очень занят. А мне разрешил сходить поохотиться. Только недолго.

– А что, вы без его разрешения этого сделать не можете?

– Нет. Мы обязались во всем слушать своего Учителя. Обязались совершенно добровольно, так что это послушание нам не в тягость. Хотя другим, посторонним, конечно, это непонятно. Вы извините, я вас обгоню – меня Учитель отпустил на ограниченное время...

– Конечно, беги, коли торопишься, – кивнул Гуров, и Никита, вновь ускорив шаг, вскоре скрылся в камышах.

– Ну вот, наши вчерашние опасения начинают оправдываться, – заметил Сыромятников. – Раньше Игорь охоту никогда не пропускал. Тренинг, не тренинг, а на зорьку время находил.

– Мне кажется, рано делать выводы, – заметил на это Гуров. – Может, у него сегодня занятие особо напряженное, вот и не может оторваться. Зато ученику разрешил поохотиться. И не только разрешил, но и ружье свое дал.

– Разве? – удивился Сыромятников. – А я не заметил...

– Видно, у меня это уже в кровь вьелось – все замечать. Никита в прошлые разы ходил на охоту с «тулкой». Стрелял он из нее или так носил – не знаю, но «тулка» у него была, это точно. А сейчас я заметил у него на плече «беретту», с которой Угланов обычно ходит.

Сыромятников на это ничего не ответил, только покачал головой, удивляясь наблюдательности товарища. Они пошли дальше и вскоре достигли того самого места, которое Гуров прозвал «Орлиным гнездом» и предпочитал всем другим. Однако когда они шагнули в коридор камышей, ведущий к «Гнезду», навстречу им выбежал знакомый коричневый сеттер.

– Выходит, Тонких уже здесь, занял твое место, – озадаченно произнес Сыромятников. – Непорядочно с его стороны. Ведь ты уже в прошлый раз говорил, что пристрелял это место, оно, можно сказать, наше.

– Ты мне сам в первый вечер сказал, что места здесь

ни за кем не закреплены, — успокаивал его Гуров. — Не надо быть таким азартным. Ты ведь охотишься не ради добычи, а ради удовольствия! Ну, а что до Тонких... Такой уж, видно, человек: ему все надо под себя подмять — что кресло вырубленное, что место хорошее.

Они отошли метров на пятьдесят дальше и выбрали себе другой небольшой пятачок. Отсюда обзор был не такой хороший, как в «Гнезде», но часть озера все же была видна. И, в частности, «плацдарм», на котором остался Тонких: Гуров заметил торчащую над камышами голову следователя.

Вечерело. Западная часть неба окрасилась багрянцем, окружающий лес потемнел, его окутали сумерки, но над озерной гладью было еще светло. Вдалеке слышался шум крыльев — там полетела над водой первая стая уток. И тут же раздались выстрелы. По их звукам Гуров заключил, что Никита, ученик Угланова, уже начал охоту. Причем расположился он, по-видимому, на другом берегу озера, где охотники обычно не вставали. «Не хочет находиться близко от Тонких, — понял Лев. — Нарочно ушел подальше». Затем к Никите присоединился и Тонких — до приятелей донеслись выстрелы с соседнего пятачка. Ну, а затем Гурову стало уже не до наблюдений — прямо перед ними пронеслась группа уток, он вскинул ружье и сделал выстрел, два раза выстрелил и Сыромятников. Охота началась!

Хотя внимание Гурова теперь было приковано в основном к пространству неба перед ними и он каждую секунду

был готов сделать выстрел, все же краем сознания он отмечал, что происходит вокруг. Выстрелы раздавались и справа, и слева от них. Время от времени слышался громкий плеск – это чья-то собака бросалась в воду, чтобы принести хозяину добычу. Найда тоже трудилась: принесла Гурову двух добытых им птиц, и одну – Сыромятникову.

Внезапно внимание Гурова привлек необычный звук выстрела, донесшийся с противоположного берега, вроде бы с того самого места, где стоял Никита.

– Слышал? – спросил он Сыромятникова. – Какой-то новый охотник объявился. Звук у ружья совсем другой.

– Ты так считаешь? – удивился Григорий Гаврилович. – А мне казалось, это все та же «беретта».

Гуров не стал спорить – так ли это важно? Тем более что над ними показалась еще одна стая уток, и он вновь выстрелил.

Прошло полчаса. Уже совсем стемнело, охоту надо было прекращать. Приятели собрали убитых птиц, взяли рюкзаки и двинулись сквозь камыши назад, к тропе. В это время неподалеку неожиданно раздался тоскливый собачий вой.

– Что за притча? – удивился Сыромятников. – Охотничьи собаки никогда не воют. Может, из деревни какая сюда забежала?

Они вышли на тропу и остановились в нерешительности. Обычно они сворачивали налево, потом переходили ручей и попадали к костровищу на том берегу – месту сбора охот-

ничьей компании. Но соберется ли компания сегодня, после вчерашней ссоры?

– Я думаю... – начал было Сыромятников. Но в это время на тропе показался знакомый коричневый сеттер следователя. Собака подбежала близко к охотникам, остановилась, подняла морду вверх – и завывала. В этот момент Гуров ясно понял, что это не какой-то собачий каприз, а произошла трагедия.

Сеттер между тем повернулся, отбежал на десяток шагов, повернулся к людям – и снова раздался тоскливый вой.

– Он нас зовет, это несомненно, – заключил Гуров. – Идем, Григорий Гаврилович, надо посмотреть.

Они двинулись по тропе вслед за Барсом. Собака добежала до поворота и свернула на тропу, которая вела к «Орлиному гнезду». Гуров шел за ней, позади шагала Сыромятников.

Камыши раздвинулись, они вышли на пятачок и сразу увидели Тонких. Следователь лежал на правом боку, скорчившись, подобрал ноги, словно мерз и хотел согреться. В стороне валялось ружье и две убитые утки.

Гуров наклонился над лежавшим. Первое, что бросилось ему в глаза, – кровь, залившая грудь следователя. Она продолжала течь, и под ним уже образовалась целая лужа. А затем Гуров заметил, что губы лежавшего слабо шевелятся. Он опустил на корточки, наклонился и позвал:

– Аркадий Кузьмич!

Закрытые веки дрогнули, глаза раненого чуть приоткры-

лись. Губы вновь зашевелились, следовательно явно пытался сказать что-то важное, но Гуров его не слышал. Тогда он наклонился еще ниже, вплотную приблизил свое лицо к лицу следователя и расслышал произнесенные почти шепотом слова:

– Это он... он... Я уверен... Я узнал...

Глава 8

Затих звук мотора машины реанимации, увозившей тяжело раненного следователя в Москву, и на плотине остались трое: Гуров с Сыромятниковым, а также прибывший из Каширы оперативник, старший лейтенант полиции Петр Ожогин. Врачебная машина была также из Каширы, но врач по дороге получил приказ от начальства везти раненого сразу в Москву, в госпиталь Бурденко.

– Ну что, старший лейтенант, поработаем? – обратился Гуров к оперативнику.

– Буду рад с вами поработать, товарищ полковник, – ответил Ожогин. – Хотя вряд ли меня тут оставят, скорее всего, пришлют бригаду из столицы... И дознаватель оттуда же приедет...

– Бригаду пришлют, она уже в пути, – заметил на это Гуров. – А вот расследование буду вести я – мы с генералом Орловым уже договорились. А ты будешь мне помогать.

– Отлично! – обрадовался Ожогин. – С чего начнем?

– Сначала установим, что нам известно. Аркадий Тонких был ранен выстрелом в левую верхнюю часть груди. Повреждено легкое, серьезно задета часть артерий. К счастью, сердце почти не задето. Следовательно потерял много крови. Как мне сказал врач-реаниматолог, состояние раненого тяжелое, и он не может ручаться, что Тонких останется в живых. Перед нами встает ряд вопросов. Из какого оружия был произведен выстрел? Откуда стреляли? Имел ли стрелявший целью убить или ранить Тонких или в следователя попали случайно? И, наконец, кто стрелял?

– Мне кажется, на все эти вопросы можно ответить уже сейчас, – сказал Сыромятников, который внимательно прислушивался к их разговору. – Ты сам понимаешь, Лев Иванович, что всё указывает на одного человека.

– На кого же? – встрепнулся старший лейтенант.

– На Никиту, ученика и приближенного Игоря Углова, – ответил Григорий Гаврилович. – Во-первых, у него был мотив для неприязни к Тонких: мы с Львом Ивановичем были свидетелями их вчерашней ссоры. Тонких специально унизил Никиту, и он затаил к нему вражду. Конечно, обычный человек из-за такой мелочи – подумаешь, Тонких чурбак занял, который Никита обработал, – не стал бы убивать. Но кто его знает, что за психика у этих сектантов. Возможно, для него это смертельное оскорбление. А во-вторых, у Никиты была возможность совершить это преступление: он стоял как раз напротив Тонких, отлично его видел и мог спокойно

прицелиться и выстрелить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.